

АБХАЗСКИЙ ЯЗЫК

В.А. Чирикба

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ¹

Абхазский язык (абх. *аҭсуа бызшәа*) вместе с абазинским языком составляют абхазскую группу абхазо-адыгской ветви северокавказской семьи языков. Другими языками этой ветви являются ближайше родственные между собой адыгейский и кабардинский языки, а также недавно вымерший убыхский язык.

Не исключено, что древним языком абхазо-адыгской группы являлся и вымерший хаттский язык, на котором говорило аборигенное население древней Малой Азии на рубеже III и II тысячелетий до нашей эры. Другой ветвью северокавказской семьи являются нахско-дагестанские языки (чеченский, ингушский, аварский, лезгинский, табасаранский, лакский и др.). Северокавказские языки не имеют родственных связей с языками другой коренной кавказской языковой семьи, картвельской.

По переписи населения 1989 г. число абхазов в бывшем СССР составляло 105 308 человек, из них 93,5% назвали абхазский язык родным. Большая часть абхазов проживает в Республике Абхазия (*Аҭсны Аҳәынҭқарра*), территория которой простирается вдоль Черноморского побережья Кавказа между р. Псоу на западе и р. Ингур на востоке. По этим рекам Абхазия граничит с Российской Федерацией и с Республикой Грузия.

Значительное количество абхазов проживает также за пределами Абхазии. Несколько тысяч их живут в Аджарии в Грузии (в основном в районе Батуми), куда они попали в XIX в. в результате массового переселения, вызванного Кавказской войной. Кроме того, абхазы проживают в Турции (по некоторым оценкам – до полумиллиона) и в ряде стран Ближнего Востока (в Сирии, Иордании и др.). Небольшие колонии абхазов, представленные преимущественно выходцами из Турции и стран Ближнего Востока, имеются в Западной Европе (в Германии, Голландии, Бельгии, Швейцарии, Великобритании и др.) и в США.

На территории Республики Абхазии абхазский язык имеет статус государственного. Он является языком преподавания в начальной школе (все предметы на абхазском языке вплоть до 5-го класса), в средней (уроки родного языка и литературы) и в высшей школе (ряд факультетов и курсов в Абхазском госуниверситете). На абхазском языке издаются газеты, журналы, художественная, публицистическая и научная литература, вещает радио и телевидение, работают театры. Имеются абхазоязычные сайты в интернете.

¹ Я выражаю благодарность Б.Г. Джонуа и А.А. Анкваб за ценные комментарии и замечания по тексту данной статьи.

Большая часть абхазов двуязычна. Преобладает абхазско-русское двуязычие: 78,8% абхазов свободно владеют русским в качестве второго, часть южных абхазов – также мегрельским. Число владеющих грузинским языком в целом невелико. Аджарские абхазы, помимо родного и русского языков, владеют также грузинским, а старшее поколение также и турецким языком. Для абхазов, проживающих в Турции, типично абхазско-турецкое, а для живущих в арабских странах – абхазско-арабское двуязычие.

Письменность

У нас нет данных, которые указывали бы, что до середины XIX в. абхазы обладали письменной традицией на родном языке. В качестве косвенного намека на, по крайней мере, теоретическую возможность существования некоторой грамотности на абхазском языке в древние времена может быть упоминание в «Жизни Константина» (IX век) абасгов (абхазов) среди тех народов (армян, иберов [грузин], готов и др.), которые имеют алфавит и христианское богослужение на родном языке.² Ссылка на абхазов как имеющих христианское богослужение на родном языке содержится и в книге баварского автора XV века Иоханна Шильтбергера.³ Российское «Сказание о Вавилоне», составленное между XIV и XV веками, упоминает надписи, сделанные на трех языках: греческом, абхазском (обезском) и русском, но не вполне ясно, подразумевал ли автор собственно абхазов, либо грузин, так как до XVI века термины *без*, *обез* («абхаз») использовались в русском языке для обозначения как абхазов, так и грузин.⁴

Первая книга на абхазском языке, «Абхазский букварь» (*Аџсџаа Анбан*), вышла в свет в 1865 г. под редакцией русского ориенталиста генерала Ивана Бартоломея на основе кириллической транскрипции, используемой в абхазской грамматике Петра Услара. Второй абхазский букварь был издан в 1892 г. педагогом Сухумской Горской школы Константином Мачавариани и его юным учеником, впоследствии народным поэтом Абхазии Дмитрием Гулиа. В изданном анонимно в 1906 г. букваре частично использовался материал Мачавариани и Гулиа. Несколько позднее алфавит Мачавариани и Гулиа был усовершенствован педагогом и общественным деятелем Андреем Чочуа и использовался в абхазских школах в 1909-1926 гг. В 1926 влиятельный советский академик Николай Марр предложил свой собственный, так называемый «аналитический алфавит», основанный на латинских буквах, который, после горячих дебатов, был принят в Абхазии, но спустя всего два года, в 1928 г., был заменен вновь созданным «унифицированным» латинским алфавитом, разработанным другим великим русским кавказоведом, Николаем Яковлевым. В 1938 г. абхазский алфавит, в русле политики грузинизации Абхазии, был переведен на грузинскую графику, а в 1945-1946 гг. абхазские школы были ликвидированы и языком обучения стал грузинский, неизвестный большинству абхазов. После смерти Сталина в 1953 г. абхазские школы были вновь открыты и в 1954 г. вернулись к алфавиту Чочуа, которым, с некоторыми модификациями, пользуются и поныне. Неоправданная смена алфавитов не могла не сказаться отрицательно на функционировании и развитии литературного языка.

Из зарубежных опытов создания абхазской письменности можно упомянуть абхазскую азбуку, разработанную на основе латинской графики просветителем Мустафой Бут-

²См. Kollautz, A. Abasgen. In: Reallexicon der Byzantinistik. Reihe A, Bd. I, Heft 2. Amsterdam, 1968, S. 31.

³См. "The Bondage and Travels of Johann Schiltberger, a native of Bavaria, in Europe, Asia, and Africa, 1396-1427." Translated from the Heidelberg ms., edited in 1859 by Professor Karl Friedrich Neumann, by Commander J. Buchan Telfer, R.N., with notes by Professor P. Bruun. London: The Hakluyt Society, 1879, p. 78.

⁴См. Сказание о Вавилоне. В: Библиотека литературы Древней Руси. Том 6. XIV – середина XV века. Санкт-Петербург: Наука, 1999, с. 50-55 и 520.

ба⁵ и опубликованную в 1919 г. в Стамбуле, за семь лет до латинизированного алфавита Марра и за девять лет до введения алфавита на латинской графической основе в Турции; однако какого-либо широкого практического применения в условиях Турции эта азбука не имела.

В действующем абхазском алфавите 64 буквы. Порядок их следующий: а, б, в, г, гь, гә, г, гь, гә, д, дә, е, ж, жь, жә, з, з, зә, и, к, кь, кә, қ, қь, қә, к, кь, кә, л, м, н, о, п, п, р, с, т, тә, т, тә, у, ф, х, хь, хә, х, хә, ц, цә, ц, цә, ч, ч, е, е, ш, шь, шә, ы, ь, ь, ь, ә.

Хотя в основу абхазского алфавита положен фонологический принцип (один знак или их сочетание – одна фонема), он не всегда выдерживается. Нет строгой последовательности в передаче таких дополнительных признаков как глоттализация, не оправдано обозначение палатального сонанта буквой *и*,⁶ тогда как в некоторых более ранних версиях абхазского алфавита этот звук обозначался буквой *й*. Недавняя частичная реформа письменности (в 1996 г.) устранила один из главных недостатков алфавита Чочуа, унифицировав передачу огубленности посредством знака *ә*, вместо употребляемых ранее для этой цели двух различных знаков (*ә*, *у*).

Наиболее ранними литературными памятниками абхазского языка, изданными после букваря Бартоломея, являются переводы христианских религиозных текстов – «Краткой священной истории» (1866 г.), «Божественной литургии Иоанна Златоуста» (1907 г.), Требника (1907 г.), Служебника (1907 г.), Евангелия (1912 г.) и др., а также сборник поэтических произведений Дмитрия Гулиа (1912 г.) и драма Самсона Чанба «Амхаджир» (1920 г.). К 1919 г. относится выход первой абхазской газеты «Ацсны» («Абхазия»).

Диалектной базой литературного абхазского языка является его южный, абжюйский диалект, более простой в фонетическом отношении (59 согласных фонем) по сравнению с бзыпским (67 согласных); литературный язык содержит 58 согласных, так как в него не включена редкая фонема *ф*, встречающаяся в абжюйском диалекте. Развитие литературного абхазского языка насчитывает (по А. Генко) три этапа: 1856–1866 гг. – время создания «Абхазского букваря» И. Бартоломея и перевода «Краткой священной истории»; 1892–1921 гг. – выход первых книг Д. Гулиа, учебников А. Чочуа, абхазской газеты «Ацсны», драмы С. Чанба «Амхаджир» (*Амхацъыр*); с 1921 г. по современный период – публикации произведений Д. Гулиа, С. Чанба, И. Когониа, Б. Шинкуба, И. Папаскири, М. Хашба, Д. Дарсалиа и др. В. Конджария придерживается иной периодизации литературного абхазского языка, выделяя два периода: до- и послереволюционный. Выдающуюся роль в становлении и развитии литературного языка сыграло творчество классика абхазской литературы Дмитрия Гулиа (1874–1960), заложившего основы многих жанров современной литературы. Молодая абхазская литература питалась мотивами нартских сказаний, историко-героических и мифологических преданий, песен, сказок, народных баллад, басен, анекдотов. За 150-летний период своего развития абхазский литературный язык выработал более или менее нормированную орфографическую систему, богатую терминологию, различные функциональные стили.

РАННИЕ АБХАЗСКИЕ ГЛОССЫ

Наиболее древней письменной фиксацией абхазского языка, возможно, является слово «Аки», или «Аку» в греческой надписи на золотых монетах колхидской чеканки (III-II вв. до н.э.), отождествляемое Д. Капанадзе с абхазским ойконимом *Акәа* «Сухум». Несколько

⁵ Abitp, M. Cerqes Elifbe Apsifsele. Yizviz: Abitp – M. Asiqse 1. IstampEil, 1335 – 1919.

⁶ Этой же буквой обозначают гласный звук *и*.

более гипотетично сравнение греческого и римского *apsil-*, грузинского *apšil-*⁷ и армянского *apšil-* «апсил» (древнеабхазское племя) с названием воинственного народа *абешла* в причерноморских горных районах северо-восточной Малой Азии, известного из ассирийских хроник 12-го века до н.э.

Классические греческие и римские авторы зафиксировали такие абхазские этнонимы как апсилы, абаски, мисимиане, саниги и др. Этноним *апсил* содержит тот же элемент *апс*, что и абхазское самоназвание *ацс-уа* (-уа – «этнический» суффикс). Последнее может быть этимологизируемо как производное из эпитета «смертный» (в отношении людей, в противоположность бессмертным богам), корень *ацсы-* (в бзыпском диалекте *ацсы-*), по видимому, связан с глаголом **цсы-* «умирать».⁸

Греческое *Abasg-oi*, *Abask-oi* основано на староабхазской форме множественного числа **абаз-гла* «абазы» (-*гла* – суффикс множ. числа класса человека; в единствен. числе **абаз*), к которому был добавлен греческий суффикс множ. числа -*oi*. Известна в византийском греческом и форма этого этнонима без суффикса -*гла* – *Abasi-oi* «абазы». Древнерусское *обезь* «абхаз», адыгское *абазэ* «абазин», турецкое *abaza* «абхаз, абазин» также отражают форму единственного числа того же термина.

Источником русского *абхаз* является грузинское *архаз-и*, которое само обязано мегрельскому посредству. Древнеабхазское **абаз(а)-гла* дало в мегрельском **абазга*, которое, с обычной для этого языка метатезой, претерпело изменение в **абгаза*, из которого затем, с оглушением срединного комплекса, и появилась современная мегрельская форма *ацхаза*. Эта видоизмененная мегрельская форма была усвоена в грузинский с утратой конечного -*а* (мегр. *ацхаза* → груз. *ацхаз-и*), так же как мегр. (из абх.) *атама* «персик» дало груз. *атам-и*. Груз. *ацхаз-* было в свою очередь заимствовано в русский и другие языки.

Византийские источники упоминают такие абхазские топонимы как *Tzachar*, *Tzibile/Tzibilon/Tibeleos* (в римских источниках *Tsibil(i)um*, современный *Цабал*), личные имена *Thuanes* (ср. абхазское фамильное имя *Тэан-ба*)⁹, *Chados* (возможно, отражение староабхазского **хъада* «лидер»)¹⁰. Приводимое византийским историком VI века Агафием Миринейским название крепости в Мисиминии (верховья Кодора) *Тзахар* считают искаженной формой производной от абхазского гидронима (А-)згара «мелководье».¹¹ Известный из византийских и других источников город средневековой Абхазии *Anaciphia* (Анакопия, нынешний Новый Афон), возможно анализировать как *Анхэа-циа*, из более древней формы **Анахэа-циа*, т.е. «стоящее напротив (поселения) Ан(а)хуа».¹²

Армянская география VII-го века н.э. *Ашхарацуйц* упоминает топоним *Писинун* в Абхазии, в котором, как считал арменовед В. Бутба, угадывается современное абхазское *Ацсны* «Абхазия».¹³

⁷ Древнегрузинские источники упоминают *apšil-et-i* «землю апшилов». Шипящий спирант в грузинском и армянском, возможно, отражает архаичный шепелявый (свистяще-шипящий, палатализованный) спирант *č* (ср. в бзыпском *ацс-уа* «абхаз»).

⁸ См. Chirikba V.A. On the Etymology of the Ethnonym /*ápšwa*/ 'Abkhaz'. In: The Annual of the Society for the Study of Caucasus, № 3, Chicago, 1991, p. 13-18.

⁹ См. Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухум: Алашара, 1976, с. 234, 267.

¹⁰ Знак хъ обозначает глухой увулярный придыхательный смычный *q*.

¹¹ Из *а-зы* «вода, река», *а-зга-ра* «мель, мелководье»; см. Кварчия В.Е. Историческая и современная топонимия Абхазии (Историко-этимологические исследования). Сухум, 2006, с. 80.

¹² См. несколько иную этимологию в: В. Кварчия, Указ. соч., с. 95-96.

¹³ См. Бутба В. Племена Западного Кавказа по «Ашхарацуйцу». Сухум, 2001, с. 78.

В средневековых грузинских хрониках упоминается слово «Лаша», используемое как прозвище Гиоргия, сына знаменитой грузинской царицы Тамар (XII век н.э.), и переводимое, как объяснено летописцем, с языка «апсаров» (т.е. абхазов) как «светоч». «Лаша» действительно основывается на абх. *а-лаша* «свет»,¹⁴ в то время как *ацс-ар* содержит тот же корень, что и абхазское самоназвание *ацс-уа*, а также архаичный суффикс множественного числа *-ар*. Интересно также слово, используемое как эпитет к имени последнего абхазского царя Феодосия Слепого (X век н.э.), по поводу которого средневековая грузинская хроника «Матиане Картлисай» комментирует: «кого называли *чала-царем*», ср. абх. *а-чала* «болезненный, слабый».¹⁵

Карта, составленная генуэзцем Петером Весконтти, датированная 1318 г., передает название современного города Гагра как *Kakara*, которое упоминается и позже, в 1494 г., в форме *Kakkari* на карте Фредуче.¹⁶ Эти формы отражают первоначальное звучание топонима, **га-кы-ра*, убедительно объясненное В. Кварчия как «держущее побережье».¹⁷

Доминиканский монах Джованни да Лукка, который в 1637 г. посетил Абхазию, упоминал, что местного правителя звали *Лузо*, которое П. Услар (1887: 155) идентифицировал как абх. *ацыз* «вожак, предводитель». Более пространные записи абхазского языкового материала появились лишь в XVII в. в «Книге Путешествий» (*Seyahatname*) знаменитого турецкого путешественника Эвлия Челеби, который записал около 40 слов и фраз на «языке странных и удивительных абазов» (*lisa:n-i 'aci:b u gari:b-i Aba:za*). Анализ абхазского лингвистического материала, весьма точно переданного Челеби арабскими буквами (как известно, его мать была абхазкой, и он мог слышать язык дома), показывает, что он отражает черты садзского диалекта.¹⁸

Приблизительно 40 абхазских слов опубликовано в книге, изданной на армянском языке в 1819 г. армянским путешественником Миной Медичи.¹⁹ Маленький список абхазских слов в книге 1841 года, написанной английским путешественником Джеймсом Станиславом Беллом, по всей вероятности также, как и записи Челеби, представляет образец садзского диалекта, демонстрируя такие садзские черты, как удвоение согласных, полногласие и некоторые специфически садзские лексемы.²⁰ Список из 56 абхазских слов, записанных в Сухум-Кале, с адыгскими и грузинскими параллелями, дается в приложении к первому тому книги французского консула в Тифлисе Жака Франсуа Гамба, изданной в 1826 г.²¹ Приблизительно между 1830 и 1840 гг. российский офицер Владимир Романов составил небольшой русско-абхазский словарь (содержащий примерно 2000 слов и четыре страницы коротких фраз), чья рукопись была недавно обнаружена французским филологом Бернаром Утье в Публичной Библиотеке в Тбилиси. Более обширные списки слов,

¹⁴Как указано уже Клапротом, см. J. von Klaproth. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808, enthaltend eine vollständige Beschreibung der Kaukasischen Länder und ihrer Bewohner. Zweiter Band. Halle und Berlin, 1814, S. 180.

¹⁵Кварчия В.Е. Животноводческая (пастушеская) лексика в абхазском языке. Сухуми: Алашара, с. 108.

¹⁶Кварчия В.Е. Ойконимы Абхазии в письменных источниках. Сухум: Алашара, 1985, с. 26.

¹⁷Кварчия В.Е. Ацсны атопонимика. Ақәа, 2002, с. 92. Специфическое географическое расположение Гагры, зажатой между горами и морем, традиционно являлось существенным элементом в региональной оборонительной стратегии.

¹⁸См. Chirikba V.A. Sadz, an Abkhaz dialect in Turkey. In: NSL. 8. Linguistic Studies in the non-Slavic languages of the Commonwealth of Independent States and the Baltic Republics. Chicago: The University of Chicago, p. 67-68.

¹⁹См. Медичи, Мина. История Понта. Венеция, 1819 (на армянском); см. также Д. Меликсет-Беков. Pontica Transcaucasica Ethnica. (По данным Миная Медичи от 1815-1819 гг.). В: Советская этнография, № 2, 1950, с. 163-175.

²⁰См. Chirikba, там же, с. 68.

²¹Gamba, J-F. Voyage dans la Russie Méridionale, et particulièrement dans les provinces situées au-delà du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824. Tome premier. Paris: C.J. Trouvé, 1826, p. 396-397.

изданные Палласом (Pallas 1786-1789), Эллисом (Ellis 1788), Гюльденштедтом (Güldenstädt 1791) и Клапротом (Klaproth 1814), основаны на тапантском и ащхарском диалектах.

АБХАЗСКИЕ ДИАЛЕКТЫ

До 1864 г., т.е. до начала массового изгнания абхазов в Турцию, Абхазия делилась на три диалектные зоны – садзскую, бзыпскую и абжюйскую, хотя не исключено, что и речь племени ахчипсы также представляет собой отдельный диалект. Ныне в Абхазии представлены два диалекта – бзыпский и абжюйский.

Садзский диалект располагался на западе исторической Абхазии, от р. Бзып до р. Хосты с вкраплениями и далее на северо-запад, к долине р. Сочипста (район совр. Сочи). В садзском выделяется два говора – халцыс и цвыджи. Его отличительными чертами в фонетике являются наличие фонематически значимой геминации (удвоения) согласных, а также полногласия. Носители первого говора населяли села Хамыщ (Хоста), Арыд-кыта (*Арыд-кыта*, соврем. Адлер), Хышвха (*Хышвха*), Цандрыпщ, Гячрыпщ, Багрыпщ, Мкялрыпщ (в верховьях р. Псоу), Гагра и др. Носители говора цвыджи проживали на р. Кудепста, по р. Мацеста селилась садзская община *чуа*, а выше садзов проживали горные абхазские племена ахчипсы (в верховьях р. Мдзымта), айбга (в верховьях р. Псоу) и чужгуча (на р. Чвижепсе, абх. *Цэыжьыцсы*, притоке Мдзымты). К ахчипсы были близки и обитатели высокогорного села Псху (*Псхэы*). Все эти группы абхазов в середине XIX века были изгнаны царской администрацией в Османскую Империю, что привело к исчезновению с территории Абхазии как садзского диалекта, так и наречия ахчипсы. В настоящее время носители халцысского говора садзского диалекта и наречия ахчипсы проживают на севере центральной части Турции вокруг городов Адапазары и Хендек, а носители говора цвыджи – на северо-западе Турции близ города Биледжик. Часть батумских абхазов также являются по происхождению садзами.

Вторая, бзыпская (по назв. р. Бзып) диалектная зона простирается от г. Гагра до г. Сухум. Бзыпский диалект членится на три говора – лыхненский (по назв. с. Лыхны), калдахуарский (по назв. с. Калдахуара) и аацынский (по назв. с. Аацы), различия между которыми крайне незначительны и носят в основном фонетический характер. В Турции носители бзыпского диалекта составляют большую часть абхазской диаспоры, они проживают в селах, расположенных между Стамбулом и Анкарой (особенно вблизи городов Дюздже и Адапазары), а также вблизи причерноморских городов Самсун и Синоп.

Абжюйская диалектная зона простирается на восток от Сухума – вплоть до г. Гал. Абжюйский диалект делится на три говора: атарский (по назв. с. Атара), чхуарталский (по назв. с. Чхуартал) и джгярдинский (по назв. с. Джгярда), различия между которыми не существенны. В Турции носителей абжюйского диалекта немного, проживают они на севере, в основном близ г. Хендек.

Цабалское наречие, носители которого проживают на западе Турции в провинциях Бурса, Биледжик, Эскишехир и Кютахья, может представлять собой архаичную форму абжюйского диалекта, хотя ряд черт в фонологии и лексике сближает их с другими горными абхазскими диалектами (см. ниже). До поголовного выселения в Турцию цабалцы проживали в верховьях р. Кодор (абх. *Кэыдры*) в районе Дал-Цабал.

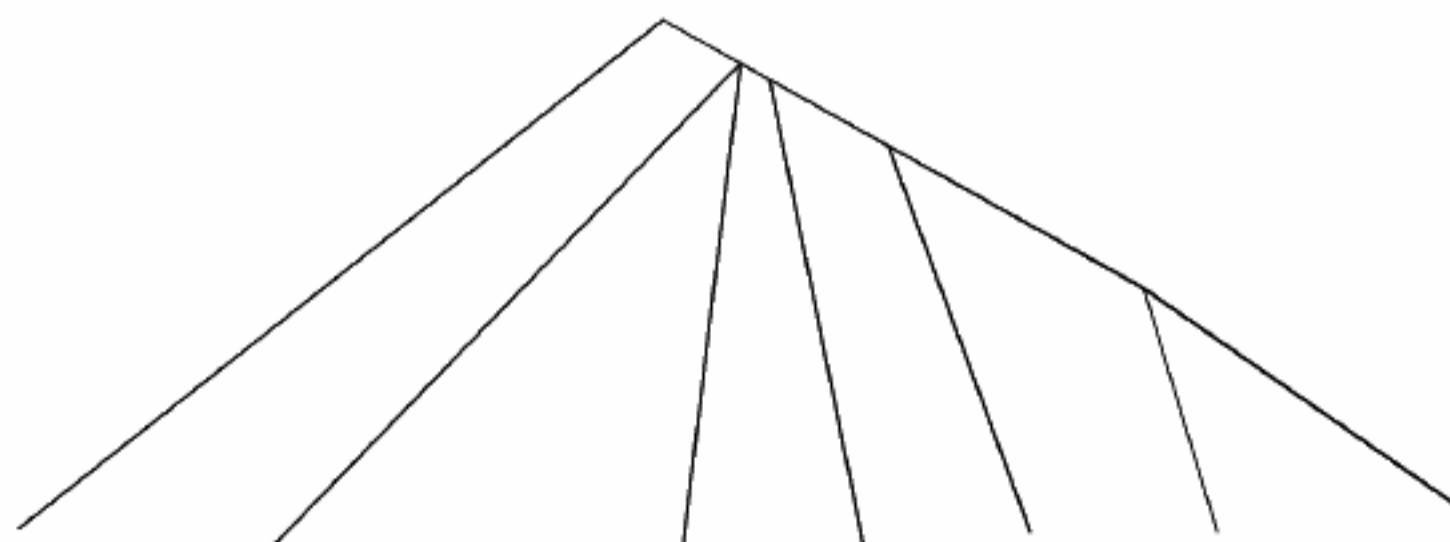
Помимо названных диалектных зон имеются и переходные говоры жителей сс. Яшыра и Багмаран близ Сухума, которые обнаруживают черты, характерные как для бзыпского, так и для абжюйского диалектов. При этом яшырский говор более тяготеет к бзыпскому диалекту, а багмаранский – к абжюйскому. В целом же оба эти говора в какой-то степени отражают особенности гумского (абжяквинского или сухумского) переходного говора, на котором пока еще говорят в Турции (в частности, в с. Дердин/Гума на севере Турции близ г. Дюздже).

Абхазские диалекты очень близки между собой. Фонетически и морфологически наиболее отличным из них является садзский диалект, а фонетически наиболее архаичным – бзыпский. Точное положение наречий ахчипсы и цабал не вполне ясно. Я отношу цабалский к сфере абжюйского диалекта по географическим соображениям, а также по лексическому составу, тогда как фонетически он близок к ахчипсы и цвыджи, что, впрочем, может свидетельствовать лишь о его большей архаичности или консервативности по сравнению с абжюйским диалектом, а не о какой-то специальной близости к вышеназванным западным диалектам. Еще более сложно уточнить диалектную принадлежность ахчипсы, который по многим параметрам близок бзыпскому диалекту. И, тем не менее, некоторые фонетические особенности (например, нередкое полногласие), специфическая лексика, обнаруживающая сходство с садзской и, что наиболее важно, морфологические особенности (обязательное употребление частицы *-зьи-* в отрицательных глагольных формах, нередкое употребление настоящего времени статических глаголов в виде сочетания чистой основы с суффиксом финитности *-ит*, напр., *ды́-ка-ит*, параллельно *ды́-ка-ул* «он(а) есть») сближают ахчипсы и с садзским диалектом. Поскольку эти черты присущи и ащхарскому диалекту, некоторые специалисты (например, Э. Килба) полагают, что и ащхарский, и садзский, и ахчипсы вышли из единого прадиалекта (называемого ею «садзским»), но впоследствии претерпели разную эволюцию. Тем не менее, вопрос о наречии ахчипсы нуждается в дополнительном изучении, и однозначное его причисление к группе объединяющей также садзский и ащхарский диалекты, кажется все же пока преждевременно. Не исключено, что сочетание в ахчипсы черт садзского и бзыпского диалектов может быть частично объяснено диалектным смешением, так как в труднодоступный горный район Ахчипсы могли перемещаться представители разных абхазских, абазинских и даже адыгских и убыхских групп (о чем свидетельствуют фамильные имена ахчипсы), что и могло объяснить присутствие специфических черт, например, садзского диалекта.

Ащхарцы к XVII веку переселились на Северный Кавказ, что способствовало консервации ряда архаичных черт (исконное произношение фарингальных спирантов *zʲl, zʲlʲ*, которое в садзском и ахчипсы перешли фонетически в *aa, ʷ*, сохранение увулярных глухих смычных *xʲ, xʲʲ*, которые в садзском говоре ахалцыс перешли в простые увулярные спиранты *x, xʲ*, а в говоре цвыджи и в наречии ахчипсы сохранились как фарингализованные *x̣, x̣ʲ*). Иными словами, садзский и ахчипсы претерпели общеабхазскую фонетическую эволюцию, совместно с бзыпским и абжюйским диалектами, чего не произошло в географически изолированном от них ащхарском диалекте, к тому же испытывавшем значительное влияние тапантского диалекта, а также кабардинского языка.

В истории абхазского языка могут быть выделены следующие исторические стадии: 1) общеабхазский период, 2) отделение тапантского диалекта от общеабхазского языка, 3) отделение диалекта ащхаруа от южноабхазского, 4) разделение южноабхазского на юго-восточные (бзыпский, абжюйский) и юго-западные (садзский, ахчипсы) диалекты. Это можно показать в виде следующей схемы.

*Схема диалектного членения абхазо-абазинских диалектов
от общего праязыка*

тапантский ащхарский садзский ахчыпсы бзыпский цабалский абжюйский

Близость между собой диалектов (тапантского, ащхарского, садзского, бзыпского и абжюйского) и наречий (ахчыпсы, цабалское) показана их сравнительным положением на схеме. Ащхарский диалект в целом может считаться переходным между тапантским и южноабхазскими диалектами, садзский – переходным между ащхарским и остальными абхазскими диалектами, а наречие ахчыпсы – переходным между бзыпским и садзским диалектами.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АБХАЗСКОГО ЯЗЫКА

Начало изучению абхазского языка было положено небольшой работой немецкого ориенталиста Георга Розена.²² Однако первое подлинно научное и обстоятельное описание абхазского языка принадлежит выдающемуся российскому исследователю-кавказоведу, генералу Петру Карловичу Услару, создавшему первую грамматику абхазского языка (литографическое издание появился в 1862 г., типографская версия в 1887 г.), вошедшую в золотой фонд кавказоведения и по сей день не утратившую своей научной значимости. А. Шифнер опубликовал в 1863 г. осуществленное им немецкое переложение этой работы, сделав ее доступной европейскому читателю. В дальнейшем абхазский язык являлся предметом изучения таких исследователей как П. Чарая, Д. Гулиа, А. Хашба, В. Кукба, Б. Джанашиа, Х. Бгажба, Б. Шинкуба, К. Шакрыл, Е. Шакрыл, Т. Шакрыл, М. Циколия, Т. Халбад, В. Конджария, В. Бганба (в Абхазии), Н. Марр, А. Дирр, А. Генко, Н. Яковлев, А. Шаги-ров, А. Абдоков, И. Гецадзе, М. Кумахов, С. Старостин (в России), К. Ломтатидзе (в Грузии), Г. Шмидт (в Финляндии), Г. Деетерс, К. Боуда (в Германии), Ж. Дюмезиль, Ж. Шарашидзе (во Франции), В. Люкассен (в Нидерландах).

Основные центры по изучению абхазского языка – Абхазский Институт Гуманитарных Исследований им. Д. И. Гулиа и Абхазский государственный университет (г. Сухум), где работают абхазоведы-лингвисты В. Амичба, С. Амичба, Ш. Аристава, Н. Аршба, Р. Гублия, Б. Джонуа, О. Дзидзария, В. Касландзия, В. Кварчия, Э. Килба, Л. Саманба, Л. Хагба, А. Хеция, В. Чирикба, Л. Чкадуа и другие ученые. Среди зарубежных исследователей изучением абхазского языка занимаются В. Дыбо (Россия), Дж. Хьюитт, З. Хиба (Великобритания), А. Спрайт (Нидерланды), А. Кристоль (Франция), Л. Триго, Д. Кэтман, Б. Вокс (США), Дж. Коларуссо (Канада), Т. Гванцеладзе (Грузия), Т. Янагисава (Япония) и другие ученые.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

1. Фонетика. Абхазский язык принадлежит к числу т.н. консонантных. Его фонемный состав характеризуется исключительно сложной системой согласных (67 фонем в бзыпском диалекте) и минимально развернутой системой вокализма (две гласные фонемы).

Консонантизм литературного языка насчитывает 58 согласных фонем, которые делятся на три класса – шумные, сонорные и глайды (полугласные). Шумные смьчные и аффрикаты классифицируются по месту (губные, зубные, велярные, увулярные, фарингальные) и по способу артикуляции (звонкие, глухие придыхательные, глоттализированные). Фонеморазличительными признаками являются также огубление (лабиализация) и смяг-

²² G. Rosen. Ossetische Sprachlehre nebst einer Abhandlung über das Mingrelische, Suanische und Abchasische. Berlin, 1846.

чение (палатализация). Система спирантов включает губно-зубной, зубной, увулярный и фарингальный ряды. Из фонемно значимых корреляций в классе спирантов релевантны противопоставления по глухости-звонкости, огубленности и смягченности. Простые (т.е. неогубленные и несмягченные) шипящие спиранты и аффрикаты артикуляционно являются ретрофлексными. В отдельные классы согласных выделяются сонорные и полугласные. Их специфика заключается в том, что они не вступают ни в какие коррелятивные отношения (за исключением полугласного *и*). Отличие глайдов от сонорных в том, что они могут фонетически реализовываться в качестве силлабических аллофонов.

Состав согласных фонем литературного абхазского языка может быть представлен в виде следующей таблицы. В алфавите знак *ә* передает признак огубленности, знак *ь* – признак смягченности. Диакритика под буквой обозначает признак придыхательности, кроме звонкого увулярного спиранта *з* и звонкой шипящей аффрикаты *ц*; знаки *п, т, к, ѓ, ҕ* и *ч* обозначают глоттализированные согласные. Периферийная фонема *ь* помещена в скобки.

Таблица согласных абхазского литературного языка.

	Смычные зв. гл. глот.	Аффрикаты зв. гл. глот.	Спиранты зв. гл.	Сонорные	Глайды
Губные	б п п		в ф	м	у
Зубные лабиал.	д т т дә тә тә	з ц ц зә цә цә	з с	н р	
Шипящие лабиал. палатал.		ц ҕ ҕ ць ч ч	ж ш жә шә жь шь		
Палатальные лабиал.					и џ
Латеральные				л	
Велярные лабиал. палатал.	г қ к гә қә кә гь қь кь				
Увулярные лабиал. палатал.	к кә кь		г х гә хә гь хь		
Фарингалы лабиал.			аа х хә		
Глоттальные	(ь)				

Фонемный состав диалектов богаче. Так, в бзыпском диалекте сохраняются архаичные палатализованные свистящие (в иной классификации – свистяще-шипящие) сибиллянты: пары спирантов (*зь* – *сь*) и тройка аффрикат (*зь* – *ць* – *џь*), а также дентолабиализованные свистящие *зә* – *сә*. В абжюйском диалекте палатализованные свистящие сибиллянты совпали со свистящими (*з, с, з, ц, ѓ*), а дентолабиализованные – с шипящими сибиллянтами (*жә, шә*). В абжюйском, садзском и ащхарском диалектах имеется глоттализированный губно-зубной спирант *фl*, представленный лишь в одном слове (*а-фlа* «тонкий»). На периферии фонемной системы находится глоттальная смычка *ь*, которая присутствует в ряде

междометий и звукоподражательных слов, ср. такие минимальные пары, как *ах* «князь» – *ьах* «нет» – *хах* «наш князь», *аи-аи* «да» – *ьаи-ьаи* «нет» – *хаи-хаи* «междометие, восклицание».

Система вокализма насчитывает лишь две основные гласные фонемы: открытый *а* и закрытый *ы*. Сочетание этих гласных с полугласными, а также с огубленными и палатализованными согласными обуславливает появление значительного количества вокалических аллофонов (см. ниже). Кроме того, отдельную подсистему образуют гласные *о, е, и, у*, содержащиеся в заимствованных словах.

Своеобразно положение гласного звука, обозначаемого в орфографии диграфом *аа*. Исторически он восходит к звонкому эмфатизованному фарингалу *ɣl* (сохранившемся в абазинских диалектах). Хотя фонемный статус этого звука не до конца ясен, ряд соображений позволяет считать его не долгим гласным, и не сочетанием двух гласных (последние в абхазском недопустимы), а фонетической реализацией фарингала *ɣl*.

Этот звук также присутствует в ряде заимствований (ср. *а-каамет* «светопредставление» ← тур. *keyâmet*; *а-маалыкъ* «ангел» ← тур. *melâik*; *а-џааимбар* «пророк» ← тур. *peyâmbet*; *а-лумаат* «лимонад» ← рус. *лимонад*, *а-маат* «рубль» ← груз. *manat-i*).

Помимо гласных *а, ы*, имеются и другие гласные звуки: *о, е, и, у*, которые в исконном абхазском лексиконе не имеют статуса фонем и появляются в результате взаимодействия гласных *а, ы* с глайдами *и, у, џ*, а также с палатализованными и лабиализованными согласными). Звук *о* появляется в сочетании *ау* или в трифтонге *ауа*, реже при контакте с лабиализованными согласными. Звук *е* возникает на месте сочетаний *аи* → *еи*, *иа* → *ие*, *џа* → *џе*, *аџ* → *еџ*, реже из сочетаний *а* со смягченными согласными. Звук *и* появляется из сочетаний *иы, ыи*, либо из *ы* в сочетании со смягченным согласным. Наконец, звук *у* появляется из дифтонгов *уы, ыу*, либо из *ы* в сочетании с огубленными согласными. Дифтонги в абхазском представляют собой бифонемные сочетания (глайд + гласный).

В абхазском возможны довольно значительные комплексы согласных (ср. четырехконсонантные комплексы в словах типа *а-џстхэа* «туча», *а-мшцэгьа* «дурная погода»), однако более распространенными являются двух- и трехконсонантные сочетания (*а-мра* «солнце», *а-џты* «чесоточный»). Внутри морфемы число компонентов комплекса обычно не превышает трех. Исторически появление их зачастую обусловлено выпадением гласного в безударном слоге.

Ударение разноместное и способно служить средством смысловоразличения: *á-ла* «глаз» – *а-лá* «собака», *áча* «перепелка» – *а-чá* «хлеб», *á-џара* «прыгать» – *а-џáра* «деньги» – *а-џарá* «вязать».

Среди явлений морфонологического порядка отмечается озвончение классноличных префиксов в позиции перед начальным звонким согласным переходного глагола.

II. Морфология. Абхазский язык принадлежит к числу агглютинативных: словоформа состоит из цепочки морфем, каждая из которых, как правило, наделена лишь одним значением (моносемантична). Морфемы разделяются на корневые и аффиксальные. Количество морфем в словоформе может быть довольно значительным, ср. глагольную словоформу *и-аа-с-з-еи-лы-м-к-аа-џ-ит* «я не мог этого понять», содержащую одиннадцать морфем: корень *к(ы)*- «держат, хватать» и десять аффиксальных морфем: *и*- «то», *аа*- «сюда», *с*- «я», *з*- «возможность», *еи*- «совместность», *лы*- «из», *м*- «отрицание», *-аа* «расширение корня», *-џ* (нулевая морфема) «аорист», *-ит* «финитность».

Преобладают односложные глагольные корни открытого типа структуры CV. Двух- и трехсложные корни в исконном материале более редки и в целом характерны для именных основ (исключение составляют глаголы ономатопоэтического происхождения). Помимо самостоятельных корневых морфем имеются и т.н. связанные глагольные корни, упот-

ребляющиеся лишь в сочетании с теми или иными превербами и послелогоми. Аффиксальные морфемы могут занимать как предкорневую (префиксы), так и посткорневую (суффиксы) позиции. Из порядка 18 значимых морфемных позиций в глагольной словоформе перед корнем возможно около 10 аффиксальных позиций (в т.ч. превербных), тогда как на посткорневую позицию приходится шесть возможных аффиксов.

Части речи абхазского языка: глагол, существительное, прилагательное, наречие, числительное, местоимение, послелоги, союзы, частицы, междометия, дескриптивы.

Глагол занимает центральное место в морфологической системе и отличается богатством видо-временных форм. Основными чертами, характеризующими глагол, являются противопоставление форм динамичности и статичности, переходности и непереходности, финитности и инфинитности, наличие классно-личного спряжения, сложной системы времен и наклонений (в числе последних наличие таких категорий, как союзность, каузативность, потенциальность, версия, эвиденциальность и др.).

Статические глаголы выражают состояние (*с-гылоуп* «я стою», *с-иоуп* «я лежу»). Они лишены целого ряда словоизменительных категорий, присущих динамическим глаголам. Характерно, что для образования статического глагола может быть использована основа любого имени (*а-хэычы* «ребенок» – *д-хэыч-уп* «он ребенок есть»; *а-цшза* «красивый» – *ды-цшзо-уп* «она красивая есть»). Сам статический глагол, в свою очередь, может быть преобразован в динамический с помощью ряда аффиксов: стат. *и-шкэакэо-уп* «то белое есть», дин. *и-шкэакэо-хоит* «то становится белым»; стат. *и-кьае-уп* «то короткое есть», дин. *и-сы-р-кьае-уеит* «то я коротким делаю//укорачиваю». Динамические глаголы выражают действие или процесс и обладают всей полнотой видо-временных форм, присущих абхазскому глаголу. Характерно, что основа ряда глаголов может включаться как в парадигму статических, так и динамических глаголов, ср. *с-гыло-уп* «я стою» – *с-гылоит* «я встаю»; *с-тао-уп* «я сажу» – *с-таоит* «я сажусь», *и-с-к-уп* «то у меня (в руке) есть» – *и-с-к-уеит* «то я хватаю/ловлю».

Одной из фундаментальных категорий в системе глагола является оппозиция по признаку переходности-непереходности. Переходными могут быть только динамические глаголы, а непереходными – статические и часть динамических. Основным морфологическим выражением различия между этими двумя классами глаголов является расположение классно-личных показателей. Другим средством различения переходных и непереходных глаголов является озвончение классно-личных префиксов в позиции перед начальным звонким согласным корня переходного глагола (ср. *и-з[←*с]-боит* «то я вижу»), тогда как этого не происходит в непереходном глаголе (ср. *с-гылоит* «я встаю»).

Выделяется группа т.н. лабильных глаголов, основа которых, в зависимости от отсутствия или наличия прямого объекта, может становиться либо непереходной, либо переходной: *с-захуеит* «я шью//занимаюсь шитьем» – *и-з-захуеит* «то я шью»; *с-цоит* «я вяжу//занимаюсь вязанием» – *и-с-цоит* «то я вяжу». Своеобразно положение инверсивных глаголов, спрягаемых по типу переходных, но по сути являющихся непереходными. Одним из признаков, которые отличают их от переходных глаголов, является отсутствие озвончения классно-личного показателя перед звонким согласным корня, ср. переходный глагол *и-з-гоит* «то я беру» и инверсивный *и-с-гэацхоит* «то мне нравится». Другое отличие инверсивных глаголов от переходных заключается в том, что при наличии преверба показатель субъекта при спряжении не вклинивается между превербом и корнем, ср. *и-с-гэ+а+цхоит* «то мне нравится» (букв. «то мне сердце греет», преверб *гэ-* «сердце»), но в переходном глаголе *а-гэ+а-та-ра* «замечать» с тем же превербом картина уже иная – *и-гэ+а-с-тоит* «то я замечаю».

Существенной чертой абхазского глагола является противопоставление финитных

(выражающих законченность, замкнутость предложения) и инфинитных (выражающих незаконченность, незамкнутость) форм глагола, ср. *и-з-боит* «я то вижу» – *и-з-ба-з* «тот, кого я видел»; *и-з-га-шт* «то я возьму» – *и-з-га-ша* «то, что я возьму».

Спряжение глагола является классно-личным и реализуется посредством включения в словоформу тех или иных классно-личных префиксов. В форме спрягаемого глагола отражается не только лицо и число, но и класс актантов: человека (женщина или мужчина) – нечеловека, которые различаются в форме 2-го и 3-го лица ед. числа переходных и непереходных глаголов. Во 2-м лице ед. числа показатель класса мужчины формально совпадает с показателем класса нечеловека, ср. *у-ца* «ты (мужчина, животное) иди» при *б-ца* «ты (женщина) иди». Глагол имеет восемь времен: одно настоящее, пять прошедших и два будущих. Временная парадигма динамических глаголов богаче соответствующей парадигмы глаголов статических. Внутри указанных парадигм проводится различие финитных и инфинитных форм.

Настоящее время нередко употребляется и в функции будущего (определенного), а его показателем является суффикс *-уа* (в динамических глаголах), который в сочетании с конечным гласным корня реализуется в виде *-о-* (*с-ца-уа-ит* → *с-цо-ит* «я иду»). Будущее I и II обладают ярко выраженными модальными оттенками вероятности либо долженствования: *с-ца-шт* «я, по-видимому//скорее всего, пойду», *и-ка-у-ца-ша* «то, что ты сделаешь//тебе надлежит или предстоит сделать».

Система наклонений довольно сложная: изъявительное, отрицательное, повелительное, побудительное, возможности или потенциалиса (*д-з-а-пхьом* «то он(а) не может читать»), версии (*и-у-зы-ка-с-цоит* «то для тебя (муж.) я сделаю» – объектная версия, *и-л-цаы-зит* «то она потеряла» – субъектная версия), желательное (*с-ца-нда(-з)* «хотя бы я пошел!»), ирреалис (*д-у-ба-з-шаа* «как будто ты (муж.) его//ее увидел»), условное, сослагательное, условно-целевое (*и-з-га-рц* «для того, чтобы мне взять»), совместности (*д-лы-ц-цоит* «он с ней идет»), каузатив (*и-л-захуеит* «то она шьет» – *и-л-сы-р-захуеит* «то ее я заставляю//побуждаю шить»), произвольности (*и-с-амха-хэеит* «то я невольно сказал»), возвратности (*с-еы-с-цаахуеит* «я прячусь», букв. «я себя прячу»), взаимности (*и-еи-кашэеит* «они встретились друг с другом», *х-аиц-цап* «пойдем(те) вместе!», *х-аиба-дырит* «мы друг с другом познакомились»).

Среди отглагольных образований выделяются причастия, деепричастия и масдар, которые по форме являются инфинитными. Причастия могут быть субъектными и объектными, и образуются с помощью относительных префиксов *з-*, *и-*. Префикс *з-* служит для передачи лица субъекта или косвенного объекта в причастиях, образованных от переходных глаголов (*и-з-бо* ← *и-з-ба-уа* «тот, кто это видит», *и-зы-л-то* ← *и-зы-л-та-уа* «тот, кому она то дает»), а в причастиях, образованных от непереходных глаголов – для передачи лица косвенного объекта (*д-зы-хао* ← *д-зы-хаа-уа* «тот, у кого он(а) просит»). Префикс *и-* в причастиях, образованных от переходных глаголов, выражает прямой объект (*и-р-бо* ← *и-р-ба-уа* «видимый ими»), а в причастиях от непереходных глаголов – субъект (*и-цо* ← *и-ца-уа* «идущий»).

Деепричастия представляют собой чистую основу глагола (*и-сы-ма* «то я имею»), либо образуются с помощью суффиксов *-уа*, *-ны*, *-(м-)каа* (*с-а-с-уа* «я ударяю то», *с-цо* ← *с-ца-уа* «я идю», *с-гыла-ны* «я встав», *с-ры-м-ба-за-каа* «меня они не видя», *сы-ка-м-каа* «меня не будучи»). Как и глаголу, деепричастию присущи категории лица, числа, класса.

Масдар совмещает признаки глагола и имени и оформляется суффиксом *-ра*, если глагол динамический, либо *-заа-ра*, если глагол статический, в частности, если он образован от имени или преверба (*аца-ра* «идти», *а-пхья-ра* «читать», *а-ка-заара* «быть, существ-

вовать», *а-ма-заара* «иметь», *а-шьта-заара* «лежать»). Глагольные признаки масдара: категории каузатива, версии, взаимности, произвольности и др.; именные черты: возможность образования неопределенной формы (*а-дырра* «знать/знание» – *дырра-к* «некое знание»), наличие категории числа (*а-пхьара* «читать/чтение» – *а-пхьара-қәа* «чтения»), притяжательности (*с-цара* «мой уход»).

Существительное обладает грамматическими категориями числа, класса, притяжательности, определенности-неопределенности, инструменталиса. Система падежного склонения отсутствует. Семантически все существительные разделены на классы человека и нечеловека, что отражается морфологически в ряде указанных выше категорий. Имеется несколько показателей множественного числа, из которых *-цаа* и *-(р-)аа* закреплены за классом человека (*аба-цаа* «отцы», *аб-раа* «родители невестки», *аңсу-аа* «абхазы»). Суффикс *-қәа* оформляет множественное число существительных категории нечеловека (*а-цла-қәа* «деревья»), а также отдельных групп относящихся к категории человека: женщин (*а-пхьаыс*, мн.ч. *а-хәса-қәа*), маленьких детей (*а-хәычы* «ребенок», мн.ч. *а-хәыч-қәа*), этнических групп (*агыр-қәа*, параллельно с *агыр-цаа* «мегрелы», *аерман-қәа//аерман-цаа* «армяне», *а-урыс-қәа//а-урыс-цаа*). Непродуктивный ныне суффикс *-ар(а)* образует (коллективное) мн. число некоторых существительных обоих классов (*ас-ар(а)* «ягнята», *арҥ-ар* «юноши»). Возможны и сочетания различных суффиксов множественности: *цкәын-цаа-қәа-к* «какие-то ребята», *а-ц-ар(а)-қәа* «птицы», а также использование формы единственного числа существительных для выражения множественного числа.

Артикль *а-* может оформлять имя как в родовой, так и в определенной форме, поэтому его иногда называют «определенно-родовым артиклем»: *а-пхьаыс* «женщина», *а-цла* «дерево». Иногда определенность может быть дополнительно выражена ударением на артикле, ср. *а-уафы* «человек» – *а́-уаф* «(определенный) человек», *а-Кәыцба* «(представитель фамилии) Куджба» – *а́-Кәыцба* «(определенный представитель фамилии) Куджба». Неопределенность выражается постпозитивным артиклем *-к(ы)* (*уафы-к* «некий человек», *тың-к* «некое место»). Существительное может также быть представлено и в нулевой/безартиклевой форме (*уафы* «человек», *жәлары* «народ»). Притяжательность выражается посредством классно-личных префиксов: *сы-шәкәы* «моя книга», *у-еы* «твой (муж.) конь». Для выражения инструментальности используется суффикс *-ла* (*шьапы-ла* «ногой»), а для значения обстоятельственности – суффикс *-с* (*аихабы-с* «в качестве старшего»).

Прилагательные подразделяются на качественные и относительные. Первые обычно стоят в постпозиции к определяемому (напр. *аус ду* «большое дело»). Сравнительная степень образуется с помощью слов *еиха* «более», *ацк(ь)ыс* «чем»: *еиха идууп* «больше», *ацкыыс иеигьуп* «лучше (чего-л.)». Суффиксом превосходной степени является *-за//зза*: *а-ду-зза* «огромный». Относительные прилагательные степеней сравнения не образуют, а по отношению к существительному они занимают препозицию. Аффиксом, образующим относительные прилагательные, является атрибутивный суффикс *-тә(ы)//-тәи* (напр. *аиха-тәы* «железный», *а-тыңан-тәи* «местный»).

Наречия делятся на определительные и обстоятельственные. Определительные наречия, в свою очередь, подразделяются на качественные (*бзиа* «хорошо», *цкья* «чисто»), количества и степени (*зынза* «совсем», *акыр* «много») и качественно-обстоятельственные (*иаразнак* «сразу», *тынч* «спокойно»). Обстоятельственные наречия делятся на наречия времени, места, цели и образа действия.

Числительным присуще классное согласование. Маркером класса нечеловека в количественных числительных выступает суффикс *-ба*: *ә-ба* «два», *х-ңа* «три» (← **х-ба*),

цшь-ба «четыре», *хэ-ба* «пять», *ф-ба* «шесть», *быжь-ба* «семь», *аа-ба* «восемь», *жэ-ба* «девять», *жэа-ба* «десять». Суффиксом, маркирующим принадлежность числительного к классу человека, является *-фы(-к)*: *х-фы(-к)* «три (чел.)», *цшь-фы(-к)* «четыре (чел.)». Числительным «один» для класса человека является *азэы*, а для класса нечеловека – *акы*; «два» для класса человека имеет форму *фы-цъа*. От «одиннадцати» до «двадцати» числительные образуются посредством сочетания корневых морфем: *жэа-фа* (нечел.)//*жэа-фа-фы* (чел.) «двенадцать», *жэа-ха* (нечел.) // *жэа-ха-фы* (чел.) «тринадцать», *жэо-хэ* (нечел.) // *жэо-хэ-фы* (чел.) «пятнадцать». В составе некоторых числительных имеется соединительный союз *и*: *жэе-и-за* «одиннадцать» (букв. «десять-и-один»), *жэ-и-цшь* «четырнадцать» («десять-и-четыре»), *зе-и-жэ* «девятнадцать» (начальное *з*- получено по диссимилиации из исходной формы **жэа-и-жэ*, букв. «десять-и-девять»). «Двадцать» имеет структуру «дважды-десять» (*ф-а-жэа*). Начиная с «сорока» счет идет по двадцатеричной системе: *фы-н-фажэа* «сорок» («дважды двадцать»). «Сто» для класса нечеловека имеет форму *шэ-кы*, а для класса человека – *шэ-фы(-к)*. Помимо количественных, имеются также порядковые, собирательные, приблизительные, дробные, кратные, разделительные и распределительные числительные.

Местоимения бывают личные, притяжательные, указательные, вопросительные, определительные, неопределенные, которые согласуются по классу: личные местоимения *уара* «ты (муж.)», *уара* «ты (нечел.)», *бара* «ты (жен.)», *иара* «он (муж.)», *иара* «он (нечел.)», *лара* «она (жен.)». Исключение составляют местоимение 1-го лица ед.ч., а также всех лиц множественного числа, которые лишены классного согласования: *сара* «я», *хара* «мы», *шэара* «вы», *дара* «они». Пережитками категории инклюзива–эксклюзива некоторыми учеными считается наличие таких пар, как *хара* – *харт* «мы», *шэара* – *шэарт* «вы», хотя ныне данная категория в абхазском языке, по всей видимости, отсутствует.

Служебными словами являются послелоги (аналогичные по функции русским предлогам): направительные, локативные, достигательные, инструментальные. Среди союзов следует упомянуть соединительные союзы *-и*, *-гъы*, противительный союз *аха* «но», разделительные *ма*, *мамзар*, *акэымзар* «а не то, либо». Частицы придают различные смысловые оттенки словам или фразам: утвердительность, подтвердительность (*исхэеит-еи* «ведь я уже то сказал»), отрицательность, усилительность, темпоральность, побудительность, сожаление. Междометия выражают различные эмоции и чувства (*унан*, *хаи*, *ахахаи*, *абаацсы*, *ных*, *ааит*). Выделяется и довольно обширная группа дескриптивов, т.е. лексем с пониженной или нулевой степенью грамматической категориализации; они занимают промежуточное положение между знаменательными словами и междометиями. По своей природе дескриптивы представляют собой либо звукоподражания, либо звуко-символические слова. Они могут выступать как в своей чистой форме, так и в аффиксальном оформлении (*а-дыжэ* – изображение звука удара). Дескриптивы легко включаются в парадигмы тех или иных частей речи, обретая тем самым категориальный статус знаменательного слова – наречия, глагола, прилагательного, существительного.

III. Словообразование. Структура глагола представлена следующими моделями: простая основа, сложение основ, преверб + основа + расширитель корня, основа + расширитель корня. Простая основа чаще всего представлена одной фонемой или двухфонемным сочетанием (*к* «ловить, держать», *шь* «убивать», *ба* «видеть», *га* «брать, нести»), хотя встречаются и более сложные образования. Сложение основ (за исключением редупликации) не очень распространено, основными моделями здесь являются: именная основа + глагольная основа (*а-тэа-рх-ра* «косить», букв. «сено косить»), глагольная основа + глагольная основа (*а-не-и-аа-и-ра* «прогуливаться», букв. «туда идти – сюда идти»). Редупли-

кация, напротив, используется довольно широко (*а-калышь-малышь-ра* «небрежно брести»). Гораздо более распространено образование глаголов с помощью превербов (модель «преверб + основа глагола»), передающих пространственные параметры действия (вверх – вниз, туда – сюда, наверху, внутри и т.д.), например, *гыла* «стоять, встать»: *а-д-гыла-ра* «становиться рядом», *а-ва-гыла-ра* «становиться сбоку», *а-ца-гыла-ра* «становиться под», *а-ка-гыла-ра* «становиться на что-л.», *а-ха-гы-ла-ра* «становиться над чем-либо». Ряд глаголов без превербов не употребляется, ср. глагольный корень *ла* «идти, входить»: *а-ла-ла-ра* «входить в массу (в воду, в лес)», *а-та-ла-ра* «входить внутрь», *а-ца-ла-ра* «входить под», *а-фна-ла-ра* «входить в дом». Из двух глагольных расширителей *-аа-* и *-ла-* первый выражает направление «сюда» (*а-т-т-р-аа-ра* «вылетать снизу (сюда)»), а второй – направление «туда» (*а-ла-га-ла-ра* «вносить в среду чего-л.»). Эти суффиксы способны изменять и семантику исходного глагола. Одним из средств глагольного словообразования является инверсия – любое имя легко включается в глагольную парадигму: *а-хайа* «мужчина», *д-хайо-уп* «он мужчина (есть)», *а-хайа-ха-ра* «становиться мужчиной», *а-хайа-заа-ра* «быть мужчиной». Помимо редупликации основы одним из средств глагольного словообразования является геминация (удвоение) корневого согласного (напр. *а-ржаара* «рвать» – *а-пыжжжара* «рвать на мелкие кусочки»).

Словообразование существительных включает две основные модели – основосложение и суффиксацию. В основосложении выделяются следующие типы: сочетание двух основ существительных (*а-мца-бз* «пламя», букв. «огонь-язык»); основа существительного + основа прилагательного (*а-еы-зра* «пегая лошадь»); основа существительного + основа глагола с каузативным инфиксом *-р-* (*а-йла-р-каыкэ* «дятел» – *а-йла* «дерево» и *а-кэка-ра* «рвать в клочки»); сочетание двух основ существительных с помощью соединительного элемента *-и-* (*а-че-и-цыйка* «хлеб-соль»), с помощью притяжательного аффикса (*а-пе-и-па* «внук», букв. «сын-его-сын»). Встречаются и более сложные образования. Среди словообразовательных суффиксов наиболее продуктивными являются: *-га* с инструментальным значением (*а-рца-га* «учебник», ср. *а-рца-ра* «учить»); *-фы* со значением деятеля (*ау-су-фы* «рабочий», ср. *аусура* «работать»); *-ра* для обозначения абстрактных имен (*а-пшза-ра* «красота»); *-мта* со значением результата действия (*а-лага-мта* «начало», ср. *алага-ра* «начинать»); *-та* с локативным значением (*а-фна-та* «жилище, помещение»); *-рта* в значении помещения или вместилища (*а-чазы-рта* «хлебопекарня» – *а-ча* «хлеб», *а-з-ра* «печь»).

Способами образования прилагательных также являются основосложение и аффиксация. В качестве примеров основосложения можно привести такие прилагательные, как *агаы-мбыл* «безддушный» (букв. «сердце-не-жечь»), *ахы-ш* «белокурый» («голова-белая»), *абаа-псы* «негодный» («гнилая-душа»), *ага-кы* «обаятельный» («сердце-держущий»). Наиболее продуктивным суффиксом, образующим относительные прилагательные, является *-та(ы)//-тэи*: *ашьха* «гора» – *ашьха-тэи* «горный», *а-псабара* «природа» – *а-псабара-тэ* «природный». Другими аффиксами прилагательных являются: префикс *цаы-* в значении оттенка какого-либо цвета (*а-цаы-капшь* «красноватый» – *а-капшь* «красный»), *-за* в значении усиления признака (*ааигэа-за* «ближайший»), *-да* в значении отсутствия, лишенности (*а-фны-да* «бездомный»), *-фы* в значении деятеля (*а-гаынха-фы* «обидчивый»), *-хэ* в значении наделенности каким-л. качеством (*арыцха-хэ* «жалкий»), *-га* в значении носителя какого-л. качества (*а-гаыпца-га* «надоедливый») и др. Нередко встречается аналитическое образование прилагательных по моделям: имя + причастие *змоу* «имеющий» (*а-интерес змоу* «заинтересованный»), имя + *злоу* «имеющий, содержащий в себе» (*а-мч злоу* «могущественный»), наречие + *икоу* «сущий» (*ааигэа икоу* «близкий»).

Прилагательные могут быть образованы также посредством редупликации основы (*а-газа-маза* «наивный», при *а-газа* «глупый», с меной *г* → *м*), либо инверсии (*ацсуа* «абхаз» – *ацсуа жалар* «абхазский народ»).

Сходно образуются и наречия. Среди типов основосложения преобладает редупликация: *лассы-лассы* «часто», *хаз-хазы* «врозь», *хара-бгъара* «вразброс». Примеры нередупликативного основосложения не многочисленны: *иахъа-н-таа-ра-к* «весь (сегодняшний) день». С помощью суффиксов *-за* (со значением усиления качества или степени), *-ны*, *-ла* (с инструм. знач.), *-да* (обозначает отсутствие какого-л. признака), *-(м)кэа*, *-уа*, *-шэа* (в знач. «подобно»), *-ха* образуются такие наречия, как *наза-за* «навсегда», *иманшэала-ны* «удачно», *маза-ла* «тайно», *гэтакы-да* «бесцельно», *фымт-кэа* «молча», *икэеицеи-уа* «мерцающая», *иныкэыр-шэа* «вскользь», *-аацса-ха* «устало». Очень распространено образование наречий от звукоподражательных и звукосимволических дескриптивов с помощью суффикса *-хэа*, представляющего собой архаичную форму деепричастия глагола *а-хэа-ра* «говорить», т.е. «говоря, мол» (*а-фыр-хэа* «быстро, мгновенно»). Этот суффикс может образовывать наречия и от некоторых недескриптивных слов (напр. *цас-хэа* «нарочно»).

IV. Синтаксис. Порядок слов в абхазском предложении свободный, хотя общим принципом является предпочтительность постановки агенса (А) перед объектом (О), тогда как глагол (V) занимает финальную позицию, т.е. SOV; вторым по предпочтительности порядком является SVO. Простое предложение в норме содержит лишь один финитный предикат.

Среди типов предложений выделяются простые предложения, сложносочиненные предложения (*сыла сыхъеит, убри акынтэ сзацхьом сара* «у меня болят глаза, поэтому я не могу читать»), сложноподчиненные предложения с инфинитными обстоятельственными конструкциями (*ари ангэалтэ... зынза аргам ацэуара далагеит* «когда она то заметила, то совсем открыто начала плакать»), инфинитно-обстоятельный оборот *и-ан-гэал-тэ* «то когда она заметила»). Употребляются также разнообразные типы словосочетаний.

V. Лексика. Лексический состав характеризуется преобладанием исконной лексики, обслуживающей разнообразные потребности современного общества. Создано значительное число неологизмов, реже наблюдается использование ресурсов диалектной или архаической лексики.

С генетической точки зрения можно выделить слова, имеющие материальные соответствия в других языках абхазо-адыгской группы, и исконные лексемы, не обнаруживающие соответствий в родственных языках.

Помимо исконной лексики, в абхазский язык вошло немало заимствований, в основном из турецкого и картвельских (грузинского и мегрельского) языков. Большая часть последних вошла в активный слой лексики не ранее середины XIX в.: в речи турецких абхазов мегрельских и грузинских заимствований намного меньше, что свидетельствует о том, что большинство их проникло в абхазский в течение последних 100 лет, т.е. после переселения большого числа мегрелов и грузин в Абхазию после махаджирства (выселения абхазов в Турцию) и особенно в советский период. Абжюйский диалект имеет наибольшее число мегрелизмов; в некоторых частях Очамчёрского (исторически – Абжюйского) и особенно Галского (исторически – Самурзаканского) районов наблюдается и абхазо-мегрельское двуязычие. Абхазский язык, в свою очередь, оказал определенное влияние на мегрельский словарь, а также на его морфологию и даже на синтаксис. Незначительный слой старых грузинизмов восходит ко времени средневекового объединенного абхазо-грузинского царства. Часть их (вместе с некоторыми мегрельскими словами) обнаруживается в тапантском диалекте абазинского языка, что означает, что они могут восходить

к общеабхазскому периоду; количество праабхазских картвелизмов не превышает 30-ти. Прямые контакты с современным грузинским языком стали фактором главным образом с начала 20-го столетия и довольно много грузинизмов попало в абхазский через письменный язык. Процесс заимствования картвельской лексики практически прекратился с середины 1950-х гг.

Турецкие словарные заимствования начали проникать в абхазскую речь с XVII в., их фонетическая адаптация происходила вплоть до начала XX в. Как среди картвелизмов, так и среди турцизмов немало слов арабского и персидского происхождения. Среди старых заимствований выделяются также пласты лексики адыгского и староосетинского (аланского) происхождения. Наибольшее число заимствований – из русского языка как дореволюционной поры (*а-старшын* «старшина, староста», *а-цацелка* «поселок»), так и советского периода, включая большой объем интернациональной лексики (*а-космос* «космос», *а-театр* «театр», *а-бригада* «бригада» и т.д.).

Еще в дореволюционный и особенно в советский периоды была создана масса неологизмов, часто согласно соответствующим моделям русского языка, ср. *а-кэгылара* «речь, выступление» (букв. «вступать на верх чего-л.»), скроенное по ассоциации с русским *выступление*. В других случаях новые слова создавались без ориентации на другие языки, ср. *а-фымца* «электричество», составленное из *а-фы* «молния» и *а-мца* «огонь», *а-наплакы* «предприятие», составленное из *а-напы* «рука», поговорка *ла-* и глагольного корня *кы-* «держат в руке» и т.д. В течение последних десятилетий 20-го века, особенно со времени достижения независимости Абхазии в 1993 г., наблюдается интенсификация усилий по «очистке» литературного языка от явно заимствованных лексем. Предпочтение в создании новых слов отдается архаичным, либо диалектным словам, напр. *амшацымза* (дословно «месяц пасхи»), заменившее заимствованное *апрель*, *нанхэамза* (букв. «месяц моления Богородице»), заменившее *август*. Используются и старые заимствования, хорошо адаптированные и уже воспринимаемые как исконные слова (напр. *адэқбан* «магазин», из турецкого *dükkan*, заменившее более позднее заимствование из русского *амагазин*). Некоторые существующие слова получают дополнительное значение, например, *атцадыра* «вакуум», помимо основного значения «пустота». Много, наконец, совершенно новых образований, типа *атэылауаф* «гражданин» (*атэыла* «страна», *ауаф* «человек»), *амзар* «календарь» (*амза* «месяц», плюс именной суффикс *-ар*) и др.

Состав традиционной топонимии Абхазии довольно однороден с точки зрения ее языковой принадлежности и находит объяснение на материале либо абхазского, либо родственных адыгских языков. Это относится к названиям населенных пунктов (напр., *Гагра* из более старой формы **Гакыра* «держашее побережье», *Азыбжыа* «междуречье», *Цьырхэа* «Джирхва», букв. «Дубовый холм»). Выделяется ареал топонимов с формантом *-рыцшь*, имеющих отчетливую концентрацию на северо-западе Абхазии, особенно в зоне распространения садзского диалекта (*Жэандрыцшь*, *Гагрыцшь*, *Гьачрыцшь*). Из других топоформантов частотны *-та* с локативным значением (*Гэдоута*, *Бзыцта*), *-ра* (*Гагра*, *Ацандара*), *-рхэа* букв. «их холм» (*Блабырхэа*, *Чаабалырхэа*) и др. К абхазскому языку принадлежат и основные гидронимы исторической Абхазии (*Псоу*, *Бзыц*, *Хыцсы*, *Рица*). Среди иноязычных топонимов можно упомянуть такие, как *Пицунда*, *Кьалашэыр* (оба из греческого), *Чхэартал* (из мегрельского), *Каваклук* (из турецкого).

Довольно богата абхазская антропонимия, в составе которой немало имен исконного происхождения: *Ахра* (муж.) «скала», *Амра* (жен.) «солнце», *Наала* (жен.) «ладная, подходящая», *Хьыбла* (жен.) «златоглазая», *Хьыыс* (жен.) «золотая птица», *Шьханыкэа* (муж.) «ходок по горам», *Мшэагэ* (муж.) «бесстрашное сердце» и др. Среди имен иноязычного

происхождения имеются грузинские (*Мзиа, Натела, Циала*), многие из которых, в свою очередь, восходят к иноязычным – к арабскому, персидскому или тюркскому источникам (например, *Жэраб//Зураб, Гьиви, Тенгьыз*). Распространены и т.н. мусульманские имена, проникшие к абхазам от турок или от адыгов (*Темыр, Фатма, Шабатыйкэа*; последнее имя обязано посредству адыгских языков). Некоторые имена адыгского происхождения (*Псабыда, Шьмаф, Ханашэ*) ныне воспринимаются как исконные архаичные имена. Весьма распространены и русские имена.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аристава Ш.К. Деепричастие в абхазском языке. Сухуми, 1960; *Аристава Ш.К.* Проблема простого предложения в абхазском языке. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1982; *Аристава Ш.К., Чкадуа Л.П.* Абхазский язык (Фонетика и морфология). Сухум: Алашара, 1966 (на абх. яз.); *Аристава Ш.К., Чкадуа Л.П.* Синтаксис абхазского языка. Сухум, 1983 (на абх. яз.); *Аристава Ш.К., Чкадуа Л.П.* Грамматика абхазского литературного языка. Фонетика, фонология, словообразование, морфология. Сухум, 2002 (на абх. яз.); *Аршба Н.В.* Динамическое ударение и редукция гласных в абхазском языке. Тбилиси: Мецниереба, 1979. *Бгажба Х.С.* Бзыбский диалект абхазского языка (исследования и тексты). Тбилиси: Издательство АН Грузинской ССР, 1964; *Генко А.Н.* Абхазско-русский словарь. Сухум, 1998; *Гецадзе И.О.* Очерки по синтаксису абхазского языка (синхронно-диахронная характеристика). Ленинград: Наука, 1979; *Грамматика абхазского языка: фонетика и морфология.* Сухуми, 1968; *Джонуа Б.Г.* Заимствованная лексика абхазского языка. Сухум, 2002; *Кварчия В.Е.* Топонимика Абхазии. Сухум, 2002 (на абх. яз.); *Касландзия В.А.* Абхазско-русский словарь, т. I, II. Сухум, 2005; *Килба Э.К.* Особенности речи батумских абхазов. Тбилиси: Мецниереба, 1983; *Конджария В.Х.* Из истории развития абхазского литературного языка. Сухуми: Алашара, 1984; *Ломтатидзе К. В.* Абхазский язык//Языки народов СССР. Т. 4. Иберийско-кавказские языки. Москва, 1967, с. 101-122; *Ломтатидзе К. В.* Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков. I. Фонологическая система и фонетические процессы. Тбилиси: Мецниереба, 1976; *Март Н.Я.* Абхазско-русский словарь. Пособие к лекциям и в исследовательской работе. Ленинград, 1926; *Русско-абхазский словарь.* Под ред. *Х.С. Бгажба*, Сухуми, 1964; *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. Тифлис: Издание Управления Кавказского Учебного Округа, 1887; *Халбад Т.Х.* Выражение категории определенности-неопределенности в абхазо-адыгских языках. Тбилиси: Мецниереба, 1975; *Хеция А.Д.* Неологизмы в абхазском языке. Тбилиси: Мецниереба, 1988; *Циколия М.* Абжуйский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1969 (на груз. яз.); *Циколия М.* Порядок слов в абхазском языке. Тбилиси: Мецниереба, 1973 (на груз. яз.); *Чкадуа Л.П.* Система времен и основных модальных образований в абхазско-абазинских диалектах. Тбилиси: Мецниереба, 1970; *Чкадуа Л.П.* Глагольное словообразование в абхазском языке. Сухум, 2005; *Шадури И.И.* Морфология абхазского языка. Тбилиси, 2006; *Шакрыл К.С.* Аффиксация в абхазском языке. Сухуми, 1961; *Шакрыл К.С., Конджария В.Х., Чкадуа Л.П.* Словарь абхазского языка. Т. 1, 2. Сухуми, 1986; *Шакрыл Т.П.* Категория склонения в абхазском языке (к теории вопроса). Тбилиси, 1981; *Яковлев Н.Ф.* Грамматика абхазского литературного языка. Сухум, 2006; *Chirikba V.A.* Common West Caucasian. The Reconstruction of its Phonological System and Parts of its Lexicon and Morphology. Leiden: Research School CNWS, 1996; *Chirikba V.A.* A Dictionary of Common Abkhaz. Leiden, 1996; *Chirikba V.A.* Abkhaz. – *Languages of the World/Materials 119.* München, 2003; *Deeters G.* Der Abchasische Sprachbau. "Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-historische Klasse", H. 3, Göttingen, 1931, S. 289-303; *Dumézil G.* Documents anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase, V. Études Abkhaz. – Bibliothèque archéologique et historique de l'Institut Français d'Archéologie

d'Istanbul, XXI. Paris, 1967; Hewitt B.G. Abkhaz. – *Lingua Descriptive Studes 2*. Amsterdam, 1979; Hewitt B.G. The Typology of Subordination in Georgian and Abkhaz. Berlin, New York, Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1987; Hewitt B.G. Abkhaz. A Comprehensive Self-Tutor. Muenchen: Lincom Europa, 2010; Spruit A. Abkhaz Studies. Leiden, 1986; Yanagisawa T. Analysis of Texts and a Basic Lexicon of the Abkhaz Language. Nagoya: Nagoya University, 2006; Yanagisawa T. Analytic Dictionary of Abkhaz. Tokyo: Hituzi Syobo Publishing, 2010.

Принятые сокращения:

абх.	абхазский
гл.	глухой
глот.	глоттализированный
груз.	грузинский
дин.	динамичный
ед.	единственное (число)
жен.	женский
зв.	звонкий
лабиал.	лабиализированный
мегр.	мегрельский
множ.	множественное (число)
муж.	мужской
нечел.	категория нечеловека
палатал.	палатализированный
рус.	русский
стат.	статичный
тур.	турецкий
ч.	число
чел.	категория человека